

Вот уже несколько месяцев в редакцию журнала продолжают поступать письма с поздравлениями к юбилею “Нашего современника”. Пожалуй, мы с трудом можем опубликовать все эти очень добрые послания. Но, конечно, нам очень лестно читать такие строки в письмах подписчиков: “Мой любимый журнал, твоя славная песнь ещё не пропета, и желаю тебе, как и раньше желал: Многая всем, многая, многая лета!” Но задумаемся: чего стоил бы наш журнал без своих читателей? Кому бы мы были нужны, как и вся русская литература, если бы в районных библиотеках, как пишут, не происходило следующее: “За свежими номерами выстраивается длинная очередь”. Вот это истинное счастье для авторов и издателей журнала, для всей редакции. Чувствовать себя нужным русским людям, всей читающей России — это и есть высшая оценка и величайшая благодарность нашему журналу, который уже 180 лет (со времён Пушкина!) и 60 лет в современную эпоху несёт гордое имя “Современника”, такого близкого и родного всему нашему народу.

ГОРДОЕ ИМЯ “СОВРЕМЕННОКА”

В ТРАДИЦИЯХ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Уважаемые коллеги, члены редколлегии!

Ярославская региональная организация Союза писателей России сердечно поздравляет вас с юбилеем журнала!

60 лет — возраст серьёзный. Но вас не страшат года, поскольку вы были и остаётесь душевно молодыми, наполненными творческой энергией и оптимизмом.

“Наш современник” — одно из немногих российских изданий, на протяжении всего времени своего существования сохранивших своё лицо, не изменивших своего уважительного отношения к великим традициям русской литературы, к отечественной истории и снискавших за это всенародную любовь.

Каждый наш современник, вставший на путь литературного творчества, как о высшей награде, мечтает о публикации в журнале “Наш современник”, горит желанием увидеть своё имя на страницах легендарного журнала. И если такое случается, то писательская судьба этого человека уже определена: отныне он всю жизнь с гордостью будет носить звание автора всемирно известного издания — журнала “Наш современник”. Даже если он однажды выберет другую профессию, оставит поэзию или прозу, он никогда не перестанет быть гражданином.

Причастность к большому и важному делу, которое вы ежедневно совершаете, навсегда делает каждого из нас патриотом. Так было, и так, мы уверены, будет всегда, пока жива наша Родина, пока живы её культура, её литература, её великий, могучий, правдивый, свободный и самый красивый в мире язык.

Многие писатели России обязаны журналу “Наш современник” своим становлением, ярославские — не исключение. Мы гордимся тем, что многие из нас опубликовали на страницах журнала свои стихи, рассказы, очерки. Это нас вдохновляет и заставляет продолжать работать в традициях великой русской литературы.

Верим вам, любим вас, уважаем, надеемся!

А персонально Вам, Станислав Юрьевич, — доброго здоровья, творческого долголетия, вдохновения, удач, всяческого благополучия!

*Творческому коллективу
журнала “Наш современник”
в день 60-летия*

*Мне по душе “Наш современник”,
Наш Новый, так сказать, завет,
Его страниц я страж и пленник
Уже седьмой десяток лет.*

*Без новомодных выкрутасов
Живёт и трудится журнал,
За что вам Пушкин и Некрасов
Поставили бы высший балл.*

*— Без лести предан! — с уважением
Вас заверяют там и тут.
Высокой миссией, служеньем —
Так называют все ваш труд.*

*У вас заслуженная слава,
Чужда вам памятников медь.
Желаю орден Станислава
Вам за труды свои иметь!*

*Я вам желаю вдохновенья,
Удач, успехов, свежих сил,
И чтобы каждый день рожденья
Вам только радость приносил!*

Евгений Гусев

Председатель ярославской региональной организации
Союза писателей России

Члены организации: В. В. Белозеров, В. Л. Голиков, Н. В. Гончаров, В. А. Гречухин, Л. Э. Желенис, М. В. Корнилов, Е. В. Кузнецов, Н. Н. Кудричева, В. А. Лебедев, А. В. Максимов, В. С. Мартышин, Э. В. Марченко, В. В. Мутин, Т. А. Пирогова, Н. М. Родионов, В. А. Серов, А. А. Серов, А. Н. Симонов, В. Ф. Сокол, Б. М. Сударушкин, М. Г. Халилов, Е. Ф. Чеканов, Ю. В. Оловянов.

В СТРАНЕ НЕВЫМЕРШИХ ПОЭТОВ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Знаю, Вас просто заваливают письмами Ваши читатели и почитатели “Нашего современника”, но я тоже рискнула написать — накопилось на то несколько причин. От всей души, уважаемый Станислав Юрьевич, поздравляю Вас с днём рождения и с 60-летним юбилеем Вашего детища, нашего любимого журнала. Не знаю, как бы я обходилась без “Нашего современника” — доброй отдушины в наше непростое время. Теперь в нашем старинно-молодёжном городке районная библиотека выписывает “Наш современник”. За свежими номерами там выстраивается длинная очередь, поэтому, не смотря на материальную скудость, я не прекращаю свою подписку.

Станислав Юрьевич, приношу Вам огромную благодарность за заочное присутствие на презентации новой книги Николая Якунина “Любить, надеяться и жить”. Без сомнения, Николай Васильевич был бы удовлетворён Вашей доброй оценкой его творчества. Он дорого ценил Ваш ум, феноменальную память, талант, да и просто человеческое сердце. На мероприятии присутствовало большинство почитателей его таланта, друзья, представители духовенства и всё районное руководство.

Поэтически праздничную атмосферу, располагающую к прочтению его лирических, мелодичных, волнующих стихотворений, наполняющих сердце светлой радостью, создавали декорации: женские костюмы давно ушедшей эпохи, горящий камин, мерцающие свечи.

Не пришлось нам познакомить Вас с нашим любимым краем. Постараюсь исправить этот пробел и высылаю набор фотографий мосальских достопримечательностей. И ещё хочется поведать Вам одну свою мысль. В давние, незабвенные времена, когда приходилось быть вдали от дома, мне писала очень дорогие, долгожданные для меня письма моя мама. Начинала она своё письмо с заглавной буквы и кончала его точкой. Такие щемящие душу воспоминания пробудила во мне публикация в “Нашем современнике” (№10 за 2016 год) стихов Антона Метельникова “В стране невымерших бабушек”. Он лауреат литературных премий, и мне подумалось: моя старенькая мама тоже могла бы быть лауреатом литературных премий за свои добрые письма. Таковыми вот бабушками живёт наша Россия.

Искренне сожалею о кончине Новеллы Николаевны Матвеевой. Вот это Поэт!

С самыми тёплыми пожеланиями – благодарная читательница Ваших трудов в “Нашем современнике”

Валентина Якунина

г. Мосальск Калужской области

“Я НАШЁЛ ОТВЕТ...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

С удовлетворением и удовольствием прочитал Ваше вступительное слово (“НС” №12, 2016) на торжественном вечере в честь 60-летия нашего подлинно народного уважаемого журнала – бескомпромиссного грамотного бойца!

Проштудировав все Ваши мысли, апологии и высказывания, я понял, что Вам приходится бороться, как в своё время Александру Сергеевичу, с грязной накипью в сегодняшней и вчерашней жизни продажных тварей, расплодившихся *отморозков от пера*.

А это, особенно сегодня, крайне необходимо. Всех их надо неустанно прибивать гвоздями к их законному месту – к позорному столбу... Пригодится и нам и будущим поколениям!

Вот взять Ваше высказывание о “детिशках XX съезда” во времена пресловутой продажной “оттепели”: эти приспособленцы были готовы лечь на любую постель, под любую власть – только ради себя, любимых! Некоторые преуспели, но им не дано понять, это выше их “достоинства”, их “бессмертных и легендарных”, того презрения, которое вчера и особенно сегодня испытывают к ним люди советских поколений. Тех поколений, которые воспитывались при Советской власти в атмосфере очеловечивания людей по всем параметрам и направлениям.

Сегодня во всём мире идёт вакханалия оскотинивания человека. Сегодня это стараются внедрить и у нас, в России, при лоббизме внутренних прозападных скотов за громадные “иудины сребреники”.

Не буду занимать далее Ваше время, скажу одно: меня, как и всякого сегодня мало-мальски мыслящего человека, тревожит судьба России. И читая Ваше вступительное слово, я нашёл ответ на свой тревожно-затаённый вопрос: будет ли жива Россия в её подлинной ипостаси – хранительницы мира?! И человечности? Теперь уверен: будет! Ибо Ваше краткое вступительное слово много чего раскрывает!

И Ваши слова-семена посеяны в жаждущую, благодатную почву...

Народ предупреждён – значит, он вооружён!

С уважением,

Ваш

Виктор Долбёжкин

село Яжелбицы Новгородской области

ПРОТЕСТ ПРОТИВ РУСОФОБИИ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Решился послать в “Наш современник” одно стихотворение — не могу не выразить свой протест и возмущение русофобством многих российских СМИ и их вдохновителей — лжелибералов.

Особенно невыносима украинская трагедия — то, что творят полуофициальные бандеровские банды и официальные порошенки на границах и внутри ДНР и ЛНР.

И всё это оправдывается и поощряется теми, кого я, наверное, сверхмягко назвал “лжелибералы”. К несчастью, имя им — легион, поэтому назвать конкретные имена нет возможности (много страниц займёт), и всё же в моей голове не укладывается, как, например, фонд “Холокост” может возглавлять А. Гербер.

Я человек пожилой, работал в советской печати, член Союза журналистов СССР, теперь Москвы. Если могу быть чем-то полезным редакции “НС” — буду счастлив.

Зовут меня Шулькин Марк Борисович, литпсевдоним был М. Борисов.

Благодарен за общественную, политическую, человеческую позицию журнала “Наш современник”.

РУСОФОБИЯ

Возможна ли поэзия после Освенцима...

Теодор Адорно

А сало русское едят...

Сергей Михалков

Писать стихи после Освенцима

И прозу после Кольмы...

Ну, а в России после Ельцина —

Неужто ещё дышим мы?..

И воздух поступает даром нам,

Вдох-выдох тоже не пустяк.

Хоть и надышенный гайдарами,

А всё ж пока за просто так.

И слышно русское дыхание,

У Лукоморья русский дух

Не на последнем издыхании —

Не заболтал его Евтух.

Забыв про будни аушвицкие,

Свой источая ядный дар,

Смердят бумажные улицкие —

Им не наука Бабий Яр.

Забыли, как травили газами

Их матерей, отцов, родных!

И пучат зенки пустоглазые —

Им эта память хоть бы хны.

Какое мерзкое сословие!

Ведь это интернационал

Свихнул свой мозг на русофобии

И сам себя в тупик загнал.

Их, словно шлюху, обрюхатили

Презреньем к собственной стране

Не атлантические хакеры,

Что ненавидят Русь извне.

*Нет, испокон веков озлоблены
На всё, что видимо окрест, —
На климат наш, на быт раздробленный,
На православный русский крест.*

*Внутри них жало ненавистное
Змеиный испускает яд —
Всё, что вокруг — изгадить, высмеять...
“А сало русское едят...”*

Марк Борисович Шулькин
г. Москва

ПОЖЕЛАЮ “НАШЕМУ СОВРЕМЕНИКУ” НЕСТИ СЛОВО ИСТИНЫ...

Здравствуйте, дорогой и уважаемый, Станислав Юрьевич!

Каждый раз, когда беру в руки “Наш современник” и читаю, я всегда испытываю его благотворное влияние и радуюсь тому, что многое сохранилось на страницах журнала от той литературы, которая влекла за собой, воспитывала, прививала любовь к честности, совестливости, патриотизму и помогала понимать жизнь. Мне кажется, что журнал — это единственное, что мы имеем сегодня действительно литературное! Неведомо мне, где можно ещё отыскать ту литературу, которой не так давно читали и радовались, обсуждали и делились. Только в “Нашем современнике”, только здесь сохранилась литература, любовь к Отечеству, к русскому слову, духу, патриотизму!

Там, на страницах журнала, говоря языком великого А. С. Пушкина: “*Там русский дух, там Русью пахнет!*” И я радуюсь, и вспоминаю прекрасные слова известного русского писателя К. Г. Паустовского, который сказал, обращаясь к своим современникам и к нам, в том числе: “*Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный русский язык*”. Мы должны и обязаны всегда помнить это и беречь то, что мы получили в наследство, весь тот прекрасный литературный запас, который не должен кануть в Лету безвестности. Это долг перед потомками — сохранить то, чем сейчас располагаем! И Вы, многоуважаемый Станислав Юрьевич, и Ваши соратники по журналу прилагаете много усилий для сохранения “*богатства, меткости, могучести и волшебности языка*” на страницах “Нашего современника”!

Примечательно разнообразие тематики на страницах каждого номера журнала. Значит, Вами правильно отработана и тактика, и стратегия, чтобы журнал был читаем и востребован! Мне кажется, что каждый читатель, обнаружив для себя наиболее интересную тему, затем прочитывает весь журнал. А по прочтении оказывается, что всё интересно, а интересное отвлекает от мирской суеты, от неурядицы, от навалившихся жизненных забот и изворотливого обмана. И есть ещё одна немаловажная деталь — это связь журнала с читателями и публикация отзывов, пожелааний, просьб.

А как прекрасно сочетаются публикации о прошлом с настоящим, как бы в ненавязчивом сравнении прошлого с настоящим. Как будто предлагается сравнить, чем мы располагали в прошлом и что мы имеем теперь, и это заставляет думать, какое может ожидать нас грядущее. А ведь без хорошего прошлого не дожидаться хорошего будущего!

Что может быть лучше, когда читатели, люди разного возраста, разной национальности, прочитывая как Ваши книги, так и публикации “Нашего современника”, находят сердечные отклики в своих сердцах, в своих душах. Сколько слов благодарности я услышал в Ваш адрес от своих коллег Алимбаева Б. М. и Ципенюка В. Л. за переданную им Вашу книгу “Жрецы и жертвы холокоста” и за прочитанные ими страницы журнала.

Я уверен, что сегодня журнал “Наш современник” является национальной гордостью русской литературы!

Двадцатый век завершил свой путь предательством, ложью, обманом и воровством — так называемой перестройкой. Чем он начал своё продвижение, тем и кончил. В этом много постарались те, которые жили на этой земле, питались её соками и ели хлеб. “*Мы ели хлеб их, но платили кровью...*” (Давид Маркиш). Какое веское признание, кто бы мог подумать!

А всё то, что было омыто праведной кровью народной, оболгано. Оболганный двадцатый век... Всю ложь он передал двадцать первому веку – в третье тысячелетие от Рождества Христова. Сегодня упорно и настойчиво толкают народ и особенно молодёжь в аморальную пропасть, в похотливую пасть соблазна, окаймлённую змеей. Наверное, прав протоиерей Андрей Логинов, что *“земле через слякоть ожить суждено”* (“НС”, №4, 2013).

Вот она, борьба “Нашего современника”! Вот она, задача журнала: убедить, не дать упасть, пройти *“слякоть”* с целью последующего очищения.

В начале двадцатого века Л. Н. Толстой, выступая в Обществе любителей российской словесности, отметил *“...приходит время, когда Пушкин забудется, и не будет перечитываться... что литература есть только оружие гражданского развития общества...”* и его возможного падения. Как будто он предвидел наше, непростое сегодняшнее время...

Говоря словами А. К. Передреева, в “Нашем современнике” звучит *“...божественный глагол, // В своём величье непреложный...”*, и подаёт надежду всем, что и Пушкин, и Есенин, и Клюев будут перечитываться; он светит, он помогает, он позволяет устоять, он вселяет надежду... Как будто каждый выпуск журнала говорит своим читателям словами Александра Сергеевича: *“И неподкупный голос мой // Был эхо русского народа”*, – что так важно для образования нравственно здорового, духовно полноценного, трудоспособного созидателя человека, способного противостоять разрушительным идеям.

О самом журнале и его людях, которые приложили силы, щедрость души, упорную писательскую мудрость, можно много писать, много говорить – “Наш современник” заслуживает этого! И пожелаю “Нашему современнику”, словами протоиерея Дмитрия Дудко, чтобы Бог дал достаточно силы *“...нести слово истины, пробуждая свои и другие души”*.

В завершение скажу: “Мой любимый журнал, // твоя славная песнь ещё не пропета, // и желаю тебе, как и раньше желал, // многая всем, многая, многая лета!”

С уважением к Вам и сердечной благодарностью –

Алексей Шерник
Казахстан

ГДЕ ВЫ, УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ?..

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Хочется поговорить с Вами о жизни, о литературе, но, как я вижу, вокруг много людей, которым всё это безразлично. Особенно тяжело, что молодёжь не интересуется чтением. И мне думается, что учителей по литературе сейчас нет достойных, чтобы заинтересовали Шукшиным, и Гуцериевым, и Убогим, и Зиганшиным, и многими другими авторами Вашего журнала, которых нет в школьной программе по литературе, но читать которых необходимо для души. Я помню своё детство, жили мы в деревне Верх-Чумыш Киселевского района Кемеровской области. В школе была отличная библиотека, и в деревне была библиотека. Ходили мы туда, как на праздник. Вспоминаю: нам не давали читать Мопассана, так мы украдкой отвлекали библиотекаря, прятали под одежду книжку, а после читали. Нам кто-то сказал, что это книга “про любовь” и нам не положено её читать по возрасту, но мы, деревенские дети, знали всех известных писателей. А совсем недавно (я ещё работала в больнице диетсестрой) зашёл у меня с молодыми нашими сотрудницами разговор о Солженицыне (уж на что известный писатель!), а они меня и спрашивают: “А он, этот Солженицын, где живёт – в вашем или нашем микрорайоне?”... Я спрашиваю их: “А Пушкина, Тургенева вы знаете?” О Пушкине ещё что-то слышали, а Астафьев, Распутин – тёмный лес. Вот певицу Машу Распутину знают, спрашивают: сам В. Г. Распутин – родня её? На этом разговор заканчивается. Нет, видимо, в школе учителей литературы...

Я сама и сейчас покупаю книги. Родственники мне дарят. Есть у меня Высоцкий, Ахматова, Рождественский, Омар Хайям! Знакомые меня спрашивают: “Тебе что, не жалко денег на книги изводить?” – “Нет, не жалко”, – отвечаю. Станислав Юрьевич, если будут у Вас книги М. Гуцерева, а также из серии ЖЗЛ – о С. Есенине, о В. Шукшине, очень замечательная книга А. Михайлова

“Личное дело” – куплю за любые деньги! Нет у нас книжных развалов, как в Москве, что сделаешь – провинция! У нас в нашем пгт (посёлок городского типа. – **Ред.**) через каждые 30 метров Крюгеры – “пиво, пиво и пиво”... Будем писать губернатору нашему Тулееву об этом. Крюгеры эти – они и днём и ночью светятся лучезарно, привлекают к пивным прилавкам молодёжь...

Станислав Юрьевич, если есть у Вас возможность, позвоните Александру Михайлову о книге “Личное дело”, и мне бы хотелось приобрести Вашу книгу о Есенине. “Не сотвори себе кумира!”, а я его сотворила, это – Александр Михайлов! С наступающей Вас Пасхой Христовой! Иисус у меня в сердце и Господь моя радость.

С любовью ко всем
Валентина Захарова
пос. Краснобродский Кемеровской обл.

ВСПОМИНАЯ ПОБЕДУ

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Я Ваш журнал всегда читаю, как говорится, от корки до корки. И считаю, что Ваш журнал заслуживает самого большого уважения из всех журналов России. И Вы – настоящий человек, редактор, поэт, который много труда положил для нашей литературы. Все Ваши работы – это огромный труд, где рассмотрены и исследованы истоки всего происшедшего с нами. Желая Вам и дальше идти по этому пути, крепкого здоровья и долгих лет жизни. В связи с приближающимся Днём Победы посылаю Вам свои стихи. Вот в войну я сам лично видел, как шила кистеты для наших бойцов моя мама и отправляла их на фронт. А мне тогда было 11 лет...

Всего Вам самого доброго на все века.

С уважением к Вам

Юрий Ковязин, майор в отставке
г. Каменск-Уральский Свердловской области

ПАМЯТЬ О “ГЛАВНОМ КАРЕЛЕ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Здравствуйтесь на многие лета! Обращается к Вам пенсионер из Карелии Якушев Юрий Павлович, один из детей войны и Победы. Во-первых, благодарю Вас за память о моём любимом Николае Рубцове – поэте, дорогим каждому русскому сердцу. Во-вторых, сообщаю Вам, что осенью 2015 года умер наш карельский поэт Иван Алексеевич Костин, друг юности Рубцова, – Вы его знали. Так уж получилось, что в день его смерти ему присвоили звание Народного писателя Карелии... Долго собирались!

Много лет я являюсь читателем “Нашего современника” и обращаюсь к Вам с собранным материалом о жизни и деятельности замечательного человека – Геннадия Николаевича Куприянова, руководителя нашей республики в годы Великой Отечественной войны. Его память увековечена слабо, а дела его велики и заслуживают отдельного рассказа.

Всё дальше вглубь времён отодвигается от нас Великая победа в Великой войне. Удостоены всенародной памяти и славы её герои, но ещё не похоронен последний солдат. Есть и полузабытые имена людей, которые внесли немалый вклад в общую Победу. В Карелии таким человеком является Г. Н. Куприянов, первый секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР, генерал-майор, член Военного совета Карельского фронта. Судьба его была непростой – были у него и большие отличия, и суровые незаслуженные наказания приходилось ему принимать от тогдашних “сильных мира сего”. Что же успел он сделать и в чём провинился? Попробуем разобраться по мере наших скромных сил и доступных фактов.

Геннадий Николаевич Куприянов родился в 1905 году в Солигаличском уезде Костромской губернии. Крестьянский сын, умелый плотник, народный самородок, всегда стремился к знаниям, обладал прекрасной памятью

и твёрдым, решительным характером. Он вступил в комсомол, закончил совпартшколу в Костроме, затем работал учителем, зав. роно и в райкоме партии. Ему дали путёвку на учебу в Коммунистический университет в Ленинграде, где и оставили на партийной работе, а в конце 1937 года избрали первым секретарём Куйбышевского райкома партии. Уже здесь проявился смелый характер Куприянова. Он добился пересмотра дел огульно исключённых коммунистов и обратил на себя внимание высшего партийного руководства.

В июне 1938 года по рекомендации А. Жданова и А. Кузнецова по личному указанию И. Сталина Куприянова направляют секретарём обкома партии в Карелию. Здесь он жил и работал 12 лет, и всегда считал Карелию второй родиной.

В те грозные годы “сон разума”, можно сказать, объял власть в нашей стране. Устранение всех негодных под лозунгом “обострения классовых борьбы” привели к большому жертвам. Карелии сильно не повезло в эти годы, где карательные органы возглавляли отъявленные негодяи, которые многократно превысили планы репрессий... Мир праху безвинно убиенных и вечная память мученикам! Куприянов по должности стал членом пресловутой “тройки”. И под угрозой “ежовского нагана” подписывал чёрные списки, иначе он повторил бы печальную судьбу Густава Ровио и Петра Ирклиса — своих предшественников на секретарском посту... Эти дела остались на его совести, и оправдывать его никто не собирается. Однако Куприянов не смирился с ролью стороннего наблюдателя и через партийные органы добился снятия отморозка, возглавлявшего в республике ежовских карателей, а также ареста его подручных палачей. Это ему припомнят...

В конце ноября 1939 года началась советско-финская “незнаменитая” война, несчастливая для нашего народа. Эта война показала все изъяны Красной армии того периода, когда в окружение попадали целые дивизии по вине высшего руководства. Армия несла колоссальные потери от негодной амуниции, вооружения, питания и неподготовленности командного состава, что явилось последствием репрессий. Под Питкярантой в полное окружение попала и почти целиком погибла 18-я дивизия, в которой было много уроженцев Карелии. В народе это место называли “Долиной смерти”. За 105 дней войны наши потери составили более 100 тысяч человек... Вечная слава героям! В это же время велось строительство железной дороги на Суоярви, и в условиях войны возникли перебои снабжения, люди голодали, кроме того, нужно было кормить воинов, которые вышли из окружения. Несмотря на грозные предупреждения, Куприянов решает на невероятный поступок — он своей властью секретаря обкома приказал вскрыть мобилизационный запас продовольствия на железной дороге. В условиях лютой зимы он спас людей, рискуя своей головой. Уже после события его поддержал нарком Л. М. Каганович. Здесь проявился крестьянский талант Куприянова — быстро схватывать суть проблемы и решать вопрос. Часто он шёл напролом, не боясь грозных окриков.

В марте 1940 года с учётом присоединения новых территорий и по воле И. Сталина Карелия была преобразована в союзную республику. Г. Н. Куприянов стал первым секретарём ЦК Компартии Карело-Финской ССР, а видного деятеля Коминтерна О. В. Куусинена избрали председателем Верховного совета. Карельский комсомол возглавил Ю. В. Андропов. Всего 16 лет история отвела Карелии на этот высокий государственный статус и оставила нам в наследство районы северного Приладожья со святым Валаамом, университет, театр, вокзал и ряд зданий того периода в Петрозаводске. Не много успели построить отцы — война помешала.

Геннадий Николаевич уважительно относился к истории. Он распорядился в 1940 году достать из запасников музея и установить памятник Петру I, императору, основателю Петрозаводска, что было тогда очень смелым поступком.

Всего год передышки был у Карелии, и вот началась Великая Отечественная война. На огромном расстоянии от Баренцева моря до Ладоги было дислоцировано всего две армии. 14-я армия защищала Мурманск и базу Северного флота в Полярном. Почти 500 километров госграницы на карельском участке обороняла 7-я армия генерала Ф. Д. Гореленко в составе трёх дивизий, и в их числе — 71-я, сформированная из жителей Карелии в 1940 году. Именно 71-я, “карело-финская” дивизия приняла на себя главный удар превосходящих сил противника и потеряла более 10 тысяч человек, или 75% личного состава.

Большую помощь в обороне сыграли истребительные батальоны и народное ополчение. Благодаря активной обороне в июле 1941 года по Беломорканалу успели переправить военные корабли – для усиления Северного флота. Они послужат для охраны союзных конвоев. В августе 41-го был создан самый протяжённый Карельский фронт под командованием генерала В. А. Фролова, а членом Военного совета стал бригадный комиссар Г. Н. Куприянов. Главная задача фронта была удержать Мурманск и Кировскую дорогу. Кроме того, фронт стал стеной на реке Свирь и не позволил замкнуть второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда, сохранив “Дорогу Жизни”. В этом его заслуга.

Несмотря на героическое сопротивление, в октябре 1941 года наши войска оставили Петрозаводск. Оккупация продлилась до июня 1944 года. Временной столицей Карело-Финской ССР стал Беломорск, где располагался и штаб Карельского фронта. В декабре 1941 года установилась стабильная оборона, а в 1942 году в составе фронта было уже 5 армий, которые сковали 8 немецких и 12 финских дивизий, не позволив перекинуть их на южные фронты под Сталинград и на Кавказ. Это тоже заслуга фронта, который активно воевал, что бы там ни говорили некоторые.

Кировская дорога была перерезана противником, но уже в конце 1941-го года начала работать объездная железная дорога Беломорск-Обозерская вдоль берега Белого моря, по ней шли грузы от союзников из Мурманска и снабжался Карельский фронт. В конце 1941 года восстановили Мурманский порт, и пошли грузы от союзников. За восстановление порта лично отвечал Куприянов, и задание выполнили в срок. Огромная мера ответственности за фронт и республику легла на плечи Куприянова в это время.

Суровая обстановка в 41-м требовала непростых решений, и Куприянов их принимал, используя свою фронтовую власть. Для вооружения военных формирований, народного ополчения и партизанских отрядов он заставил начальника Белбалтлага из ведомства Берии под угрозой трибунала отдать с лагерных складов 10 тысяч винтовок и 120 пулемётов с боезапасом. Из других лагерей также изъяли лишнее вооружение. Благодаря этому Карельский фронт встретил врага с оружием в руках. Этот дерзкий поступок одобрил маршал К. Е. Ворошилов, но припомнят другие...

Пожалуй, главной проблемой обороны была нехватка личного состава. Куприянов предложил Сталину призвать добровольцев из местных лагерей. Обстановка заставила Сталина согласиться, но под личную ответственность Куприянова. Были созданы комиссии по призыву, и уже в 1941 году были сформированы 3 дивизии, а всего за время войны, по воспоминаниям Куприянова, призвали 45 тысяч заключённых со снятием судимости. Мой отец, ровесник Куприянова, также был призван из лагеря, и после Карельского фронта ему довелось воевать в Восточной Пруссии, участвовать в освобождении Польши и Чехословакии.

В трудных условиях обороны в 1941 году Куприянов принимал смелые решения. Он снял с охраны Беломорканала полк НКВД и бросил его в бой под Медвежьегорском, чтобы помочь обескровленной 71-й дивизии. И это ему вспомнят...

Во время военных действий постоянно велась борьба с диверсантами, предателями, шпионами, преступниками, и этим занимались особые отделы СМЕРШа. Однако в то же время всё ещё искали “врагов народа” и фабриковали расстрельные дела. Все приговоры трибуналов утверждались Военным советом фронта. Куприянов своей властью отменил более 1200 приговоров, или 85% от общего числа. Он уже знал эту “систему” по 30-м годам, когда ни за что губили людей. По клеузному доносу особистов Куприянова вызвали в Москву, где он доказал, что никто из тех, кого он помиловал и отправил в строй, не перешёл на сторону врага и Родине не изменил. В лице начальника СМЕРШа Абакумова, которого он назвал садистом, Куприянов нажил себе личного мстительного врага.

В условиях позиционной войны весомый вклад внесли 28 партизанских отрядов, которые совершали рейды в тыл противника, громили гарнизоны, взрывали мосты, пускали под откос поезда. Следует признать, что в условиях стабильного фронта диверсионная война велась с обеих сторон. В зоне оккупации действовали подпольщики, которые собирали важные сведения военного характера и отправляли их в штаб фронта.

Партизанскими отрядами руководил комбриг С. Я. Вершинин, а подпольщиков курировал партработник И. В. Власов. Все командиры и комиссары отрядов утверждались по согласованию с Куприяновым, так же и подпольные райкомы.

Москва требовала активных действий, и летом 1942 года состоялся неудачный рейд 1-й партизанской бригады И. А. Григорьева по тылам противника. Эта операция готовилась в спешке, разведка не сработала, и сразу же начались боестолкновения. Сказалось отсутствие нужного боезапаса и питания для бойцов. Из 648 человек вернулись менее 200. Куприянов до конца своих дней не мог забыть эту трагедию...

На свободной территории республики в северных и восточных районах труженики заготавливали древесину, добывали слюду. Работали 3 лесопильных завода. Колхозники выращивали картофель и овощи для фронта. Военнозирванные бригады рыбаков, созданные по инициативе Куприянова, обеспечивали фронт и население рыбой. Под бомбёжками приходилось работать железнодорожникам. В Сегеже ремонтировали военную технику, делали миномёты и мины. Здесь же находился главный госпиталь фронта. Ведомство Берии решило забрать отсюда паровые котлы и турбину, оставить людей без тепла и света. Куприянов наотрез отказался выполнить решение ГКО, подписанное Сталиным. Опять ему грозили расстрелом, но не дрогнул крестьянский сын! Поддержка А. Н. Косыгина и В. М. Молотова помогли оставить это оборудование в Сегеже, и уже в конце 1943 года ЦБК начал выпуск основной продукции в 70 км от линии фронта.

21 июня 1944 года началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. 29 июня был освобождён Петрозаводск, столица Карело-Финской ССР. 19 сентября в Москве подписали перемирие с Финляндией, и в октябре 1944 года была восстановлена госграница на карельском участке. В октябре 1944 года на мурманском направлении силами армии и флота была разгромлена немецкая группировка. Карельский фронт выполнил свою историческую миссию и был расформирован 15 ноября 1944 года.

Во время войны на оккупированных территориях оказались 84 тысячи человек, и некоторые генералы Карельского фронта считали, что они слабо сопротивлялись оккупантам, и за это их надо депортировать в дальние края. Узнав об этих планах, Куприянов решительно вступил в схватку, несмотря на то, что эту "идею" поддерживали некоторые члены Политбюро. Он дал указание политотделам армии и флота собрать все факты героизма и образцовой службы карелов, финнов и вепсов в годы войны. 100 тысяч жителей Карелии воевали на фронтах, и треть из них — это коренное население. Гордостью Карелии стали Герои Советского Союза карелы Николай Омелин, Алексей Афанасьев, финн Пётр Тикиляйнен, карелка Мария Мелентьева и вепсянка Анна Лисицына. Героически воевала 71-я "карело-финская" дивизия, которая прошла 7 фронтов. Это только малая часть "Записки об участии карело-финского народа в войне", которую Куприянов подписал и отправил всем членам Политбюро и Сталину. Куприянова вызвали в Москву (как раз после ранения), и на заседании у Г. М. Маленкова он по всем статьям разбил своих оппонентов. Это было в августе 1944 года. Неожиданно его поддержал Сталин, при этом назвал Куприянова "главным карелом". Депортация не состоялась.

Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству. Катастрофически не хватало рабочих рук и, в первую очередь, в лесу, а стране нужна была древесина. Куприянов узнал, что из Ленобласти собираются выселять финнов-ингерманландцев, и предложил Сталину принять их в Карелию. Вопрос решался трудно, но упорный Куприянов добился своего в 1948 году, и за 3 года должны были переселиться 250 тысяч человек. В 1949 году в республику добровольно переселились 60 тысяч ингерманландцев, укрепилась лесная промышленность и строительные организации. Куприянов "выбил" на переселение в Минфине СССР в Москве 7 миллиардов рублей — он ценил и уважал этот трудолюбивый народ.

За время либеральных "гайдаровских" реформ 90-х годов Карелия потеряла почти четверть населения. Люди в глубинке жили подсобным хозяйством и дарами природы. Однако мы стыдливо умалчиваем об этом, дабы не обидеть "реформаторов", а стоит ли? "В своей стране я словно иностранец", — сказал когда-то Сергей Есенин. Всё повторяется. Впрочем, это не только

карельское горе, когда люди становятся чужими на своей земле. Но это уже другая история...

В конце 40-х годов за спиной дряхлеющего вождя, который, выражаясь нашим местным языком, “был уже не в толку”, упыри из бериевской компании в борьбе за личную власть спроворили “ленинградское дело”. Под надуманным предлогом “создания компартии РСФСР” были убиты Алексей Кузнецов – секретарь ЦК, Н. А. Вознесенский – Председатель Госплана СССР, умнейший экономист, партийное и советское руководство героического Ленинграда. Около 10 тысяч человек, когда-либо связанных с Ленинградом, пострадали по всей стране. Куприянову тоже вспомнили ленинградское прошлое. На секретариате ЦК с участием Суслова и Маленкова в конце 1949 года вынесли суровое решение о снятии Куприянова с работы, а “контрольный выстрел” сделали в Петрозаводске. Въедливая комиссия из Москвы обвинила его в приписках, авторитарном руководстве, зажиме критики, покровительстве партизанам и подпольщикам, которых надо проверять, а не представлять к наградам. Коммунисты Карелии оказались не на высоте и во всём поддакивали московской комиссии. Второй секретарь ЦК Ю. Андропов отмежевался, когда речь зашла о подпольщиках, – за всё должен отвечать первый секретарь! Геннадий Николаевич был обречён, и на пленуме в январе 1950 года его сняли с работы. А после он был и арестован.

За время заключения Куприянов прошёл 19 тюрем, лагерей и пересылок. Полгода его держали в психбольнице, потому что он писал письма высшему руководству о несправедливом осуждении. Неоднократно он попадал в карцер за то, что вступался за товарищей по несчастью. Видимо, только благодаря крепкой крестьянской натуре Геннадий Николаевич всё это выдержал. И тут его не забывали. Дважды Г. Маленков – в 1950 и 1951 годах – отправлял записки Сталину с предложением расстрелять Куприянова, но его “просьбу” Сталин не одобрил. Жenu Куприянова посадили в тюрьму, а детей отправили в ссылку. В Карелии по “Куприяновскому делу” пострадали почти 300 человек: кого посадили, кого уволили с работы. Вот такой погром в мирное время. А кое-кто пошёл на повышение за лояльность...

В феврале 1956 года в дни работы XX съезда партии, который осудил культ личности Сталина, Геннадия Николаевича освободили. Из жизни вычеркнули 6 лет. После заключения Куприянов не вернулся в Карелию, здесь его не ждали. Особенно не ждало его партийное руководство.

В 1957 году Куприянова назначили директором дворцов и парков в городе Пушкин (Царское Село), где полным ходом шла реставрация и восстановление разрушенных памятников. В этом же году Геннадия Николаевича полностью реабилитировали, восстановили в партии, вернули генеральское звание и награды – 5 орденов и медали.

В 1960–70 годах Куприянов собирал материалы о войне на Карельском фронте по архивным материалам, воспоминаниям участников войны и по собственным записям, которые он вёл всю войну, кроме того, обладая феноменальной памятью, он помнил многие события, знал всех командиров, даже ротных, поимённо и всех героев фронта.

В 1972 году вышла его книга “От Баренцева моря до Ладоги” – о Карельском фронте, а в 1975 году – “За линией Карельского фронта” – о партизанах и подпольщиках. В Госархиве хранится его рукопись о тюремных скитаниях, которую он издать не успел, да и в то время это было невозможно.

Геннадий Николаевич был активным членом Военно-исторического общества, писал статьи о войне в газеты, выступал перед военнослужащими, студентами, встречался с партизанами, ветеранами войны, вёл с ними переписку.

В феврале 1979 года Геннадий Николаевич умер. Похоронили его в Пушкине, где он жил последние годы.

Некоторые историки считают Куприянова “последним сталинистом” Карелии, но он сам ведь чудом уцелел. Да, он сурово спрашивал с руководителей любого ранга. Время такое было. Он сам был трудоголиком и с других требовал всё делать быстро, чётко и конкретно – это его закон. В то же время Куприянов ценил и уважал простых тружеников и воинов. Сам был из народа и народу служил – так его вспоминают современники. Не пора ли забыть прежние обиды и сдвинуть камень забвения?

В 2015 году Петрозаводск стал “Городом Воинской славы” по указу президента России. 20 улиц города носят имена героев войны. Установлены па-

мятники Г. К. Жукову, К. А. Мерецкову, Ю. В. Андропову, О. В. Куусинену. Всё правильно. Только память Геннадия Николаевича Куприянова, который руководил 12 лет республикой в самые трудные годы XX века, кроме архивных снимков в музее, нигде не обозначена. Это несправедливо. Может, появится у нас вместо безликих и “деревянных” названий улица или проспект Куприянова, и не только в Петрозаводске. Он заслужил это.

Юрий Павлович Якушев

Республика Карелия, Прионежский район, п/о Шуя, Косалма

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ДОМ НА ЦВЕТНОМ

Уважаемая редакция!

Трудно было предположить, что на склоне лет мне придётся напрягать свою изрядно потрёпанную память и извлекать из её недр стёртые беспощадным временем события, имена, названия, лица, даты, ощущения – всё, вплоть до ароматов и звуков. Так случилось, что, осваиваясь в новой, не привычной для меня роли пенсионера и пребывая – замечу, не без удовольствия – в состоянии *fare niente*, я слонялся по московским улицам и, в конце концов, вышел к двухэтажному особняку на чётной стороне Цветного бульвара, в котором я беззаботно прожил первые двадцать лет своей жизни.

Теперь в этом доме располагается редакция вашего уважаемого журнала, но вы и читатели ваши, конечно, желали бы знать, как жили люди, обыкновенные москвичи, в этом уютном старинном домике во время войны и в послевоенные годы? Я расскажу вам...

Жизнь моя сложилась так, что я много раз переезжал с места на место, меняя не только города, но и страны, однако с самого детства я любил этот дом. Толстые стены, широкие (точнее – глубокие) подоконники, вощёные паркетные полы, чуть поскрипывающие при ходьбе, массивные, “под бронзу”, дверные ручки, пианино “Эрнст Капс” с бронзовыми подсвечниками и мерное тиканье напольных часов, старательно проигрывающих каждую четверть часа свою незатейливую мелодию... И ещё неповторимый, на всю жизнь сохранившийся в моей памяти аромат то ли воска, то ли ванилина, то ли корицы – сейчас уже и определить трудно... А за окном – Цветной бульвар (впоследствии, уже в конце восьмидесятых, изрядно потрёпанный налётом сильнейшего ураганного ветра, вырвавшего с корнем деревья), вдоль которого поминутно грохотали, разгоняясь от Самотёки к Трубной, памятные москвичам “аннушки”, “первые” и другие – всего 5 трамвайных маршрутов, но это ещё не всё. Снаружи, на уровне второго этажа, между двумя окнами моей спальни, выходящими на бульвар, был укреплен трафарет, обозначивший остановку 13-го троллейбуса и 24-го автобуса, и летом в окна то и дело доносилось: “Осторожно, двери закрываются! Следующая остановка – Первый Троицкий переулок”, после чего – грохот закрываемых дверей. Голоса были разные, – мужские, женские... В каждом салоне – свой микрофон, свои динамики (до магнитофонов мы тогда ещё не доросли). Наверное, потому я до сих пор не слишком требователен по части тишины – мне она не особенно-то и нужна. Привык к шуму городскому...

Недалеко, уже на Садовом кольце, кинотеатр “Форум”. Примечательно, что все, кто жил в те времена в этом районе, непроизвольно выработали нечто вроде опознавательного кода, что-то вроде “свой – чужой”, своих сразу выдавало особое произношение названия этого очага культуры, и если я слышал, как кто-то произнес “Форум” (не “Фóрум!”), – это означало: свой человек, земляк.

На противоположной стороне бульвара находился ещё один кинотеатр, он назывался “Экспресс”, был малюсенький, в зрительном зале его ряды составлялись из стульев. Обычных таких, со спинками.

...Я родился в эвакуации, шла война, и мама моя уехала рожать меня на Урал, но в Москву мы вернулись довольно скоро, как только немецкое наступление под Москвой было остановлено. Трудно поверить, но это факт: зрительная память моя сохранила огромных размеров серые пузыри в безоблачном небе – аэростаты заграждения. Тогда это был один из элементов противовоздушной обороны – довольно эффективной, надо сказать.

Тарелка репродуктора дополняла звуковую гамму, сопровождавшую моё детство. Для непосвящённых скажу: в военные годы москвичи держали их постоянно включёнными в сеть, чтобы не пропустить объявлений о воздушной тревоге. Это вошло в привычку, по ночам эти репродукторы издавали лёгкое тиканье (“Включено, не беспокойтесь. Спите спокойно, я разбуду, ежели что...”), а в 6 утра сразу после гимна шли чередой бодрящие марши. Ну и, конечно, утренняя гимнастика.

Я не случайно уделил в своих воспоминаниях место этому элементу нашего быта, с ним связан один эпизод, который мог бы сыграть определяющую роль в моей дальнейшей судьбе.

Дело в том, что с какого-то момента взрослые начали замечать у меня определённое пристрастие к музыке. Рассказывают, что играю я себе на полу, выстраиваю что-нибудь из кубиков, спичечных коробков, дощечек, и вдруг в репродукторе звучит какая-нибудь песня. Я ставлю ушки “топориком”, отвлекаюсь от своих дел, взбираюсь на стул, открываю крышку пианино, быстренько и безошибочно подбираю эту мелодию. Затем сползаю со стула и продолжаю свои занятия на полу.

Взрослые заинтересовались. Показали меня какой-то тётке (помню в её квартире пугающе нелепую – после строгих прямоугольных очертаний нашего пианино – виолончель); как дальше развивались события, я не помню. Но в итоге в один из зимних дней на меня надели жёсткий и кусачий костюм с галстуком-бабочкой (это в мои-то годы!), а поверх – всякие там шапки-валенки, посадили на санки, укутали, и тётка моя повезла меня по Бульварному кольцу – куда бы вы думали! – прямо на улицу Герцена, в Консерваторию, на приёмные экзамены в детскую музыкальную школу. Помню на улицах города огромные плакаты, вывешенные по случаю 800-летия Москвы. (Значит, дело было на стыке 1947 и 1948 годов). Было холодно и ветрено. Тётка моя, кажется, очень за меня волновалась, я-то сам – ничуть...

Экзамен проходил в тускло освещённом зале, за длинным столом сидели люди, кутающиеся в пальто, в шубы – было холодно, отапливалось помещение ещё хуже, чем освещалось. Послевоенные годы!

Меня спросили, какую песню я хотел бы спеть, я без запинки назвал свою любимую “Песню о Щорсе”. Женщина у рояля проиграла несколько тактов вступления, и я точно в нужный момент заорал: “Шёл отряд по берегу, шёл издалека, шёл под красным знаменем командир полка...” Потом я что-то выстукивал – какие-то ритмы. Задавали мне разные вопросы. И в заключение – самое, пожалуй, ответственное задание. Меня усадили за рояль. Нужно было воспроизвести то, что наигрывала на другом рояле женщина-экзаменатор. Музыкальных фрагментов было несколько, были они довольно простенькие, и я удачно справился с заданием. На этом экзамен был окончен.

Тётка моя вновь напаялила на меня все мои шубки-валенки, усадила в санки и повезла меня по зимней Москве домой, на Цветной. Потом оказалось, что пока мы были в пути, моему дедушке позвонил кто-то из членов комиссии и сказал: “Вашего внука надо учить!” И вскоре к нам домой стала регулярно приходить девушка – студентка Консерватории, она стала давать мне начальные уроки музыки. Помню, что мне это всё очень нравилось. До сих пор в моём архиве хранится фотография, на которой я, оттопырив губы, старательно наигрываю какие-то упражнения.

Но маэстро из меня не получился. Так сложилась судьба, что спустя несколько месяцев мой папа, руководивший тогда каким-то торфодобывающим предприятием (страна нуждалась в топливе!), заболел брюшным тифом. Мама, получив известие об этом, уложила вещи в чемодан, и мы с ней уехали из Москвы к больному отцу, в Тмутаракань. Моя музыкальная карьера завершилась, можно сказать, в зародыше. И я до сих пор смертельно завидую тем, кто может сесть за рояль и профессионально исполнить что-нибудь...

Но вернёмся к моему дому на Цветном. Немного истории. В начале двадцатых годов мои бабушка и дедушка поселились в этом доме, заняв его второй этаж. Что было на первом этаже в те годы – не знаю, но при мне там уже располагался детский сад, детей выводили на прогулку в маленький дворик, отгороженный невысокой оградой. При наличии бульвара рядом это удивляет. Спустя некоторое время нас “уплотнили”, и по соседству с нами поселилась семья какого-то военного. С его внуками мы устраивали шумные игры в извилистых коридорах.

“Уплотнения” продолжались. Вскоре в этом маленьком доме поселилась ещё одна семья, затем одну из комнат заняла Маша – наборщица из расположенной рядом типографии “Литературной газеты”, а уже после войны процесс уплотнения завершился появлением на нашем втором этаже тихого и бессловесного инженера, только что выпущенного (как теперь известно) из стен ГУЛага. Проскользнёт из кухни в свою каморку с какой-нибудь кастрюлькой в руке – только его и видели. Отзывались о нём всегда с уважением. Фамилия у него была опасная: Власов.

Сегодня наш дом задорно, и даже с некоторым вызовом в адрес нелепой и безвкусной архитектурной современности, размещается между высоченными и уродливыми офисно-банковскими громадинами, противопоставляя им свой хрестоматийный музейный классицизм. Я всегда считал, что его фасад хранит в себе даже некоторую улыбочивость, – во всяком случае, до сегодняшнего дня при моём приближении его морщины на фасаде несколько разглаживаются (надо сказать – мои тоже, мы с ним до сих пор храним взаимную привязанность). Мы рады друг другу. Мне довольно часто приходится проезжать по эстакаде, построенной в 1967 году над Самотёчной площадью, и уже не сговариваясь, все мои домочадцы держат равнение на это маленькое архитектурное чудо. Сам я, сидя за рулём, не рискую. Да и не вдруг его разглядишь, маленького...

Вот, пожалуй, и всё, что мне удалось наскрести из истории дома номер 32 в закоулках моей выдавшей виды памяти. Из этого дома я уехал уже в 20-летнем возрасте, жил в Сокольниках, затем в Измайлове, много лет работал в Африке, в Южной Америке, на Кубе, везде чувствовал себя достаточно комфортно, но любовь к этому небольшому особняку в самом центре Москвы до сегодняшнего дня согревает мою душу.

А. Терешко
г. Москва